

Зачин

...И мудростью веков пленённый,
Их древностью, единством с силой
Природы, светом одарённый,
Лихой, в борьбе за свет спесивый
Летит могучий дух, как память.
Его от мощи не избавить
Народа славного единства.
Не сжечь Руси священной смыслы,
В ночи они влекут звездою.
Тот дух пути для нас слагает,
Сложивши, в путь благословляет,
Зовёт на бой с самим собою!
В крови таится еле слышно,
Умам пусть юным станет пищей.

Давно тот дух в земле рождался,
Его прозвали духом русским.
В просторах наших затерялся —
Из рек, лесов и ветра сгусток,
Из гор, морей и небосвода.
Умом подкована свобода,

Гвоздями воли несвободна,
Породой сильной бесподобна
В тысячелетних корнях древа.
А дуб тот в центре мироздания,
Ждёт часа предзнаменования
Пронзить ветвями-кроной небо.
В крови пускай завьётся песней,
Сей дух, как чуда древний вестник.

Мы в вечность окунёмся вместе,
Увидим Русь молодой царевной.
Когда седым векам ровесник
Лился напев, собой чудесный.
Он прославлял Богов извечных,
Всесильных, светлых, человеческих,
Нам даровавших честь и совесть,
Вплетая разум в жизни повесть.
«Аз Бога ведаю», — глаголю,
Ища утерянные смыслы,
Смотрю в тысячелетий числа.
Я проявиться им позволю —
В крови очнётся рода память,
В лучах зари ожив мечтами.

То было сколько — не упомнить —
Веков назад и лет бесщётных.
В глазах прелестных, милых скромниц
Мерцали звёзды искромётно.
Звёзд доля — жить в бездонном небе,
В нём ждал черёд великий жребий:
Тогда, в Перунов день, под утро,
Пришёл младенец златокудрий.
Его назвали Святославом,
В слезах великая княгиня,
Для мужа Игоря — Богиня,
Судьбу Руси нарисовала.
Сама пусть Ольга то не знала,
На Свет страну благословляла.

И Рок младенцу улыбнулся:
Так надо ж было уродиться
В Перунов день! Бог прикоснулся
И повелел во благо биться
На поле ратном с басурманом,
Быть рати славной атаманом;

Не знали хоть того родные,
Всем сердцем ляльку полюбили.
А уж как горд Руси правитель:
Пришёл ему молодой наследник,
Для связи с будущим посредник.
Ребёнку Игорь — охранитель!
Сын в праздник воина родился —
Неужто воем быть стремился?

Растёт дитя, как день весною,
И крепнет разумом и телом.
Болезнь обходит стороною —
Сама в бессилье захирела.
Княгиня думает-гадает,
Что ждёт дитя? Она не знает.
Но как любая мать желает —
Пусть сына добрый Рок венчает.
А Святослав улыбчив, весел,
В незнании ребёнка счастлив.
Под шорох с надписями пряслиц
Идёт ему двадцатый месяц.
И Русь живёт обетом воли,
Всё знанья копит в пудах соли.

Меж тем правитель светлый Игорь
Поход собрал на Византию.
Ему с Царьградом не до игр:
Затеян спор тот не впервые,
Ведь две великие державы
Священное всё делят право
Дать цели подданным и веру,
Дабы убить внутри химеру,
Что соблазняет непотребством,
В безверие тягает души,

Твердит: «Порочность веры лучше»,
Неправедно играет с сердцем.
Вот только разные подходы
Не могут сеять дружбы всходы.

А византийский край огромен,
Живут в нём греки, иллирийцы,
Людской поток в нём неуёмен —
Армяне, копты, италийцы.
Есть много и других народов
Под силою имперских сводов,
Чей разговор для уха чуден —
Всё ж греческий язык не скуден.
Там поклоняются иконам
В огромных каменных соборах
И философских много споров
О жизни, бытия законах.
Столица — град Константинополь,
Рабов в нём русов держат — пропасть...

Седьмое шло тысячелетье,
Шло не спеша, не опрометью.
Несло четвёртое столетье
Узорным, дивным ожерельем.
И войско двинулось лихое,
Бронёю крепкое, литое:
Поляне, кривичи, тиверцы —
Все в бытие своём имперцы —
На град огромный, чужестранный,
Свою да навязать им волю,
Рабам облегчить злую долю...
Путь ждал нелёгкий, долгий, бранный.
Тех витязей имён не вспомнить,
Хоть я их памяти наёмник.

И сей поход был повтореньем
Того, что раньше состоялся.
Пусть прошлый не был пораженьем,
Но неудачным он считался:
В большом сраженье корабельном,
Как в страшном сне, тяжёлом, хмельном,
Орудье греки применили —
Морскую гладь воспламенили.
Из труб огня метали струи,
Что и в воде пылали жаром.
Пришли те струи в явь кошмаром,
Ведь смерть ужасную пестуют.
Суда горели, кони, люди
На водной глади, как на блюде.

Бедой наученный владыка
Решил не повторять ошибок.
И вновь собрал орду великих,
Готовых двигать горы-глыбы.
Но в этот раз не только морем
С противником желает спорить,
И кони, как лады, стремятся
Скорее ветром напиться.
На части две разбил всё войско —
Послушал мудрый Игорь душу,
Пошёл с дружиною по суше,
Водой бойцов отправил стойких,
Чтоб те вниманье отвлекали,
Для вражьей злобы возникали.

Но был раскрыт тот план в Царьграде:
Донощик сильно расстарался.
И княжий замысел украден:
Вор в печенегах затесался.

Теперь стоит перед Романом,
Что наделён владыки саном.
Царь Лакапин всей Византии
Услышал вести непростые:
Мол, Русь пошла войною снова,
Полков у Игоря несметно,
И нет бойцов в них бесхребетных.
Ох, жаден Игорь до улова!
Слова секли царя гордыню...
Так что ж хитрец Роман предпримет?

«Пойду я Игорю навстречу,
Дары ему подам златые.
Наивным притворюсь, беспечным,
Словно глаза мои слепые.
Отдам рабов усталых связку,
В речах красивых буду ласков.
Куплю гордыню князя лестью,
Пожертвовав как будто честью.
Тогда уйдёт довольным русич
И заберёт свою ватагу,
А с ней безумную отвагу
Отправит вон по волнам русел» —
То говорил в Романе опыт,
Да не падёт Константинополь!

«Но дальше будет только слаще,
Ведь месть моя — как блеск жемчужин.
Доносчика судьбу носящий,
Ты службу трудную сослужишь.
Запустишь слух в древлянских землях —
Узнает каждый, кто не дремлет,
Что Игорь жаждет печенегам
Отдать те земли для набегов.

За это верность их получит.
Ну а древлян ему не жалко,
Пусть от огня случится жарко
Древлянам серым, злополучным» —
Такая ложь в ночи рождалась,
Бедою горькой занималась.

«Наград за то не пожалею,
Во благах станешь ты купаться,
Коли исполнить всё сумеешь,
Не станешь русичей пугаться.
Но заманить ещё ты должен,
Тем самым месть мою продолжив,
Владыку русов ко древлянам,
Чтоб войска с князем было мало».
В ответ доносчик улыбался:
«Не из простых дана задача,
Но птицу изловлю удачу —
Увидишь, как твой раб старался!»
Плелась во дворце интрига,
Вздымало знамя мести иго.

И надобно сказать два слова,
Как император сей шёл к власти.
Он из военных был сословий,
Всё клацал ненасытной пастью.
Взял трон военной мощью силы,
В монастыри сослал немилых.
Мать молодого базилевса,
Дабы не знала знать протеста,
Отправил также вдаль от сына.
И Константин-сын вслед отринут —
Но вот дворец он не покинул,
Хоть Лакапином с царства сдвинут.

Стал отрок сей для жизни лишним,
Лишь в толстых книгах знанья ищет...

А Игорь дальше шёл с походом,
Лесами, реками, полями.
Сменялся вновь закат восходом,
Манили в бесконечность дали.
Но мысли были рядом с сыном —
Сошлись все смыслы в нём едином.
И вынужден был князь стараться,
Дабы к задачам возвращаться.
Так добрались до Дуная,
Реки прекрасной и могучей,
В волнах плескалась песнь созвучий,
Гремя и снова затихая.
А на берегах уж войско ждали
Послы с Царьграда, речь держали.

Толмач поклон отбил, сгибался,
И византийцы не отстали.
Светился, князю улыбался,
Глаза царьградца заблистали.
«Мне честь дана, великий княже,
Друзей встречать, тебя уважить.
Понять, несёшь какую волю
И что за истину глаголешь?»
«Не для речей пришёл к Дунаю,
Должок остался за Романом —
Нанёс Руси он злые раны,
Теперь гостей пусть принимает».
Сжал, что есть силы, князь ладони,
Соперник этот миг запомнит.

«У Цареграда стены — камень,
В них греческий огонь пылает.
Коль пронесёшь своё ты знамя,
То горя вдоволь испытаешь.
А сколько витязей погибнет,
Без имени навечно сгинет
От сечи лютой, оголтелой,
Свои лелея честь и смелость?»
«Тебе ли рассуждать о чести? —
Взял Игорь слово у царьградца. —
Тебе бы в роскоши купаться,
Да слушать похвалы из лести.
Я Киев не затем покинул,
Чтоб свою цель сейчас отринуть».

Но грек не думал отступаться:
«С тобою волей не торгую».
И, продолжая улыбаться,
Причину выдвинул другую:
«Мы привели с собою пленных,
Что для земли твоей бесценны.
Пускай народ родных увидит
Да каждый муж жену обнимет».
«Что помешает взять их силой,
Вас перебить, пустить рекою?
Не дрогну я своей рукою,
Освобождая сердцу милых».
И воины стояли хмуры,
До боя жадные, как туры.

«Ты можешь вынуть сталь из ножен, —
Давал ответ толмач-царьградец.
Но делу это не поможет:
Огонь мы пустим в быстрый танец,

Суда сожжём дотла с рабами,
Сидят что под семью замками
Во кораблях здесь, на Дунае.
Доскачешь быстро, коли знаешь».
Сумел сдержаться мудрый Игорь,
Хоть зубы стиснул что есть мочи:
Противник в хитрости порочен,
Листает мысли, словно книгу.
«Глаголь же дальше, византиец.
Дашь предложения какие?»

«Я отпустить готов всех пленных,
Скитальцев возвратить на волю.
Даров отсыпать сокровенных,
Камений, злата для раздолья.
Условие — твоё желанье:
Без гордости и колебанья
Поход прервать на Византию —
Для мира жертвы небольшие.
Ты только слово молви, княже,
Что повернёшь в родные земли,
Где твой наследник малый дремлет,
И позже бойню не развяжешь».
Уж над Дунаем вечерело,
Пока решали суть да дело.

«Условия умело ставишь, —
Черёд настал глаголать князю. —
Но мне сдаётся, что лукавишь,
Ты грамотой пока не связан.
Я соглашусь, толмач, с тобою,
Невольных одарю судьбою
И заберу все подношенья:
Не лишни цацки в дополнение.

Но после договор заключим —
Мне слово дай — в другое лето.
Нужна для дел совместных смета —
Державы в войнах не разлучим.
В Царьграде пусть купцы торгуют,
Славян-невольников не будет».

И по рукам ударив звонко,
Решенье приняли без боя.
Теперь дорога — злая жёнка
Мужей в пути ждёт сушей, морем.
Наш князь вперёд послал две вести —
Быстрее чтоб сделалось известней —
С гонцами быстрыми, лихими,
Для ветра в скорости родными.
Одна была для воев части,
Что на ладьях в Царьград стремились,
Дабы обратно воротились,
На Русь пришли по водной пласти.
Вторая к Ольге в дом летела,
Ей радость встречи дать хотела.

...Тем временем не спит доносчик,
Что выдал планы Лакапину.
Он жгучей хитрости извозчик,
Лганьё древлянам хочет кинуть.
Мол, Игорь ныне стал предатель,
Для печенегов он к оплате
За службу втайне приготовил,
Древлян леса. Такое горе
Мольбами просто не исправить.
И не излечишь оскорбленье,
Трудно для дружбы воскрешенье —
Не должен Игорь боле править!